

«прошлое — и есть будущее. Настоящее — и есть прошлое. А будущее — есть и то, и другое, и третье». Такие темпоральные представления напоминают средневековые, согласно которым прошлое расположено впереди, поскольку будущее есть предопределенный результат: Апокалипсис и преображение человечества. Сходную темпоральную схему использовали идеологи марксизма-ленинизма: «светлое будущее» с его коммунистическим раем было также предсказуемым результатом исторического развития. Не окажемся ли мы вновь в плену таких «предвидений», которые, как показал XX век, на самом деле есть моделирование реальности и манипулирование массовым сознанием?

И тем не менее Борис Евсеев принадлежит к тем писателям, которым дано интуитивно прозреть и выявить для читателей тенденции современности, незаметные простому глазу под спудом обыденности. «Муть обыденная с глаз упала, открылось прямое видение». Роль интуиции в нынешнем мире, когда нет ведущей идеологии, нет общей идеи, концепции жизнедеятельности, когда человеку приходится самому разбираться в происходящем вокруг него и выстраивать свою жизнь, трудно переоценить.

Не хочу записывать Б. Евсеева в пророки, однако он ставит важнейший вопрос, очевидно связанный с набирающим силу моделированием реальности и все усиливающимся «ИнфоИгом», которое вполне может направлять человека к новому, удобному властью имущим будущему как заранее предопределенному результату. Не случайно в романе проходящий сквозь эпохи предсказатель Авель порой кажется герою-сочинителю неким компьютерным вирусом. А предвидение как предсказуемый результат тогда — тем ограничителем, которое отгораживает человека от высшего неба и свободы. К тому же, как показывает историческое действие романа, поведенное Авелем знание о грядущей катастрофе вовсе не помогает, скажем, отрекающемуся от престола самодержцу спасти власть и страну от раскола в огне революций и Гражданской войны. Да и верит ли царь пророчеству? Иное дело, проведенная автором и героями градация между предвидением и личной духовной прозорливостью как обостренной интуицией, которая может уберечь человека от ложного пути и ошибок на нем. «Да только сегодня новый прозорливец нужен. Заметь себе: не пророк — прозорливец. Здесь разница огромная...»

Верь себе и своему внутреннему видению мира, — говорит нам автор! Верь, несмотря на обрушивающийся на тебя инфопрессинг от манипуляторов массовым сознанием. В этом — наша воля к жизни и духовному преображению.

Алла БОЛЬШАКОВА

ВЕРНУТЬ ИМЕНА

Елена Иоффе. Великолепная цитата. Иерусалим: Лира, 2018.

Маленькая книжка в мягкой обложке, на которой изображен вздыбленный конь Клодта со своим спешившимся всадником на фоне великолепных колонн Аничкова дворца. Даже не зная, что книжка о ленинградских поэтах, легко понять, что она посвящена чему-то, что имеет отношение к Ленинграду. В названии моей рецензии не зря первым стоит слово «вернуть». Как кажется, смысл всех статей, бережно собранных Еленой Иоффе под одной обложкой, именно этот: напомнить о тех, кто жил и творил в Ленинграде в послевоенные годы, пришедшиеся на юность автора, тоже поэта. Вот написала, а потом увидела в предисловии фразу: «Наиболее частым побуждением была мысль, что если я не расскажу, то никто об этих людях не узнает». Значит, угадано

и прочитано мною верно. Причем заметим, что Елена Иоффе, живущая в Израиле, обратилась к теме, весьма далекой от той жизни, которую она ведет сегодня, — и по расстоянию, и по времени. Ее статьи-воспоминания — в основном о сверстниках, о тех, кто вместе с нею прошел через поэтический кружок Ленинградского Дворца пионеров, а затем занимался в Литературном обществе (ЛИТО) Политехнического и Горного институтов. Там и там преподавателем был Глеб Семенов.

Потому естественно, что первая фигура, возникающая на страницах книги, — это учитель и человек-легенда Глеб Семенов. Всегда поражаюсь, когда известные артисты, художники или писатели в передаче «Линия жизни» на канале «Культура» не говорят о родителях, и так же странно, когда не называют учителей. Неужели кто-то сумел обойтись без них?

Статья, посвященная «памяти Глеба Семенова», называется «Житие простое и неистовое». Этот человек воспитал когорту поэтов: Владимира Британишского, Александра Городницкого, Леонида Агеева, Людмилу Агрэ, Нину Королеву, Александра Кушнера, Глеба Горбовского. Елена Иоффе, как кажется, находит самое главное в учителе и его особом методе работы: «... он, увлекавшийся людьми и стихами и умевший сделать человека счастливым одним словом, как он мог вонзиться в твою суть и показать тебе тебя же».

Портрет Глеба Семенова получается объемным, порою нелюбезным, это совсем не сахарный леденец. Мемуаристка пишет: «Самостоятельные и сильные, любя его, сумели себя сохранить и утвердить. Таким был, например, Кушнер. Были и другие, которые внутренне с ним считаясь, себя переломили. Таким был мой друг, живущий в Ленинграде, который, попади он к Д. Я. Дару (руководителю другого литобъединения), был бы большим поэтом. Бродский не мог бы вырасти подле Глеба. Но лучшие книги Горбовского, Агеева, Британишского написаны под его влиянием».

Роль личности в формировании поэта. Хорошо, что Елена сказала и об «отрицательном влиянии», люди разные, и некоторым слабым или не верящим в себя натурам, наверное, можно помешать развить их индивидуальность, хотя... талант, как кажется, даже подпав под чужое влияние, свой путь отыщет. Это видно на примере Пушкина. Что до Бродского, то он хватал на лету, и его «учитель» Рейн просто читал ему, совсем еще юнцу, хорошие стихи и давал с собой книги...

О Глебе Семенове читаем и в статье, посвященной прекрасной поэтессе Нине Королевой «Запечатленная эпоха», где рассказывается о двух группах молодых ленинградских поэтов, в первую входили участники ЛИТО Горного института, во вторую — «ахматовские сироты» Евгений Рейн, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев и присоединившийся к ним позже Иосиф Бродский. Литературное общество Горного института возглавлял Глеб Семенов. Но скоро Глеб Семенов был от руководства отстранен, о причинах можно только догадываться. Был он, по воспоминаниям учениц, человеком переполненным поэзией, знакомил питомцев со стихами Пастернака, Мандельштама, Ходасевича, Цветаевой... Выходил за пределы, был излишне свободен... Не это ли причины?

Выходили за пределы и были излишне свободны и ученики Глеба Семенова. Та же Нина Королева. В очерке о ней и ее мемуарной книге «Встречи в пути» Елена Иоффе рассказывает о тех преследованиях и бедах, которые обрушивались на голову поэтессы за «крамольные стихи», за «несанкционированную беседу с американским славистом» и даже за фотографию Анны Ахматовой в ее записной книжке. Поневоле подумаешь, что такая «оттепель» — а дело происходило в 1960-е годы — больше походит на заморозки.

Есть в этом очерке и прямые ассоциации с современностью. В главе «Мой отец на войне» Нина Королева рассказывает историю, чем-то напоминающую трагедию под-

лодки «Курск». В пересказе Елены Иоффе мы узнаем о горестной участи дизель-электротохода «Иосиф Сталин», участвовавшего в эвакуации гарнизона военно-морской базы Ханко, на котором погиб отец Нины, хирург Валериан Иванович Ошкадеров.

Дело было в 1941 году, на помощь погибающему судну и тем примерно 4000 красноармейцев, что на нем находились, никто не пришел. Свои не спасли. Елена Иоффе приводит отрывок из очерка Алексея Смирнова, помещенного в газете «Совершенно секретно»: «Судно медленно дрейфовало, постепенно оседая все ниже и ниже. Группа инициативных бойцов и командиров стала снимать двери и ломать обшивку, изготавливая из этих материалов плоты. Несколько смельчаков спустились на самодельные плавсредства, ставшие для них гробами. Порыв ветра отнес плоты от судна и погнал их не к близкому эстонскому берегу, а в открытое море. Защелкали выстрелы. На плотках стрелялись». Тяжелая история начала войны, малоизвестная нам, живущим сегодня.

Есть в этой небольшой книжке и очень личные очерки, например «Рассказ не о любви». Как раз о любви, поразившей девочку Лену в 12-летнем возрасте. Прочитала и поразились, как тонко, какими немногими незаезженными словами прочерчен этот графически минималистский очерк о «надменном ангеле» с тихим и хрупким голосом.

Почти конец: «На булыжнике нашего двора я спросила: „Ведь это всё?“ — „Да, — сказал он, — давай поцелуемся на прощанье“. Как ужасен был этот твердый и холодный поцелуй. Больше мы с ним не виделись».

В «Рассказе не о любви» мелькает некий Витя, участник поэтического кружка, друг, скорей всего, в Лену тайно влюбленный. Тетрадь стихов этого неизданного поэта, Виктора Берлина, Елена Иоффе хранила «как особую ценность» до своего отъезда в Израиль. А после, так как вывоз рукописей был запрещен, ее ленинградская подруга в течение нескольких лет по листочку переправляла ей эту тетрадку в Иерусалим.

И знаете, прочитав некоторые стихи Виктора Берлина, я подумала, что сохранять их стоило и они должны дожидаться своего издания. Вот верлибры про жирафа, в котором Елена Иоффе видит портрет автора; процитирую последнюю строфу:

Он рассчитан на скорость, на бег в бесконечность
по саванне, охваченной пламенем зноя.
Гордо вытянув шею, мелькнуть кинокадром
на далеком, как Марс, голубом горизонте.
Лишь рычание льва громыхает вдогонку
Да летят из-под ног раскаленные травы...

А вот его же — о Иерусалиме:

Какая фантастика перед глазами!
Не в фильме, не в сказке, а рядом!
Вершины беседу ведут с небесами,
а пропасти шепчутся с адом.

Могучие темные склоны холмов
посыпаны солью белесых домов,
и прячется в камне дорога.
А ниже, куда не спуститься вовек,
резные орнаменты высохших рек...

И я понимаю, вот здесь человек
опешил и выдумал Бога.

Вообще автор «Великолепной цитаты» приводит много текстов своих друзей, поэтических и не только. Тут мне вспоминается Дмитрий Лихачев, включивший в свои воспоминания целую тетрадь ненапечатанных стихотворений своего умершего лагерного друга — чтобы жили в литературе.

В маленькой статье «О нашей подруге. Памяти Юлии Катунинной» автор помещает рассказ Юлии «Про Ганса и куклу», из-за которого той сильно досталось на конференции молодых писателей Северо-Запада в 1966 году. Сам мэтр Даниил Гранин назвал этот рассказ «неверным». Рассказ про то, как сразу после войны военнопленный Ганс смастерил девочке куклу, как попытался защитить ее от часового и как его начали бить наши солдаты. «Они били его по лицу и сапогами». Рассказ на две с половиной страницы — о добре вне зависимости от национальности, статуса и деления на «своих» и «чужих». Нет, в те годы такие рассказы были явно не ко двору. Вопрос: был бы он принят сегодня в журнал для напечатания? Почему-то мне кажется, что не во всякий.

Последняя статья в «Великолепной цитате» называется «Две книги об одной семье, или Как делают эмигрантов». В ней среди прочего рассказана история, о которой я знаю из других источников — книги воспоминаний об Анатолии Якобсоне¹ и фильме Сергея Линкова «Толя Якобсон из Хлыновского тупика».

Поясню: речь идет о молодежной антисталинской подпольной группе, созданной в 1950 году, «Союз борьбы за дело революции»². Группа, поставившая своей целью возвращение к «ленинским принципам, была разгромлена, и трое ее юных участников Борис Слуцкий, Владилен Фурман и Евгений Гуревич расстреляны. Их подругам, десятикласснице Сусанне Печуро и двадцатилетней Майе Улановской, дали 25 лет лагерей. Всего осуждено было 13 человек, 10 из которых были молодые девушки. Учитель и диссидент Анатолий Якобсон общался с членами группы, вышедшими на свободу после смерти Сталина, дружил с Сусанной Печуро, а Майя Улановская стала его женой.

В очерке Елены Иоффе эта история рассказана по следам двух книг, изданных в Иерусалиме с промежутком в 26 лет, Полины Фурман и ее сына Марка. Каждый из них вспоминает испытания, выпавшие на долю семьи. После расстрела Владилена Фурмана его мать и брат были приговорены к пятилетней ссылке, а отец, состоявший до революции в сионистской организации, получил 10 лет лагерей строгого режима.

Не забудем, что все эти чудовищные приговоры люди получали уже на исходе «сталинщины», после победоносной войны. Власть продолжала бояться подданных, даже совсем юных, мечтающих «восстановить» справедливый общественный строй. Пожалуй, как раз непуганая юность ее особенно пугала.

Статьи, входящие в сборник, написаны в разное время: в 1980-х, 2011-м, 2012-м, 2017-м. Каждая повествует о человеческой судьбе, как правило, судьбе поэта, не слишком счастливой, не очень сложившейся.

Но читая эту книгу, я чувствовала исходящее от нее тепло. Елена Иоффе сделала доброе и нужное дело, напомнив нам об эпохе 1960-х и о своих современниках, ленинградских поэтах.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

¹ Памяти Анатолия Якобсона. Сб. воспоминаний к 75-летию со дня рождения. М-GraphicsPublishing, 2010, Бостон, составители: Александр Зарецкий, Юлий Китаевич. См.: Ирина Чайковская. Многоголосое свидетельство. Нева, 2011, № 8.

² Неправильно думать, что во времена Сталина всякое сопротивление властям было подавлено. Существование этой молодежной группы и некоторых других говорит об обратном.